

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 390¹⁴ и части третьей статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В.Вишнякова, Н.М.Волокитиной, М.З.Каримова и Н.Н.Наливайко

город Санкт-Петербург

16 января 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

с участием представителя гражданина М.З.Каримова – адвоката Г.А.Магомаевой, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Ю.А.Петрова, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В.Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99

Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статьи 390¹⁴ и части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан С.В.Вишнякова, Н.М.Волокитиной, М.З.Каримова и Н.Н.Наливайко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по ним в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, объяснения представителей сторон и выступления приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации – В.В.Росинского, от Министерства юстиции Российской Федерации – А.В.Таманцевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 390¹⁴ ГПК Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов. Часть третья статьи 392 данного Кодекса содержит перечень оснований для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам, к которым

относятся: существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю (пункт 1); заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификация доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления и установленные вступившим в законную силу приговором суда (пункт 2); преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела и установленные вступившим в законную силу приговором суда (пункт 3).

Конституционность приведенных законоположений оспаривают граждане С.В.Вишняков, Н.М.Волокитина, М.З.Каримов и Н.Н.Наливайко, которые в судах ссылались на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела, принятые в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, как на основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, вынесенных в порядке гражданского судопроизводства, но в таком пересмотре им было отказано.

1.1. С.В.Вишняков обратился в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решений Октябрьского районного суда города Белгорода от 25 октября 2011 года и от 24 июля 2012 года, в результате которых с него были взысканы в солидарном порядке денежные средства по кредитным договорам и обращено взыскание на находящееся в залоге имущество, несмотря на доводы о том, что он не подписывал договоры поручительства и залога. В обоснование заявления он ссылался на постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения гражданки С. к ответственности по части третьей статьи 327 УК Российской Федерации за использование ею заведомо поддельных официальных документов. Постановлением установлен факт совершения ею подписи от имени С.В.Вишнякова на договорах

поручительства и залога, а также факт ее согласия на прекращение уголовного дела по не реабилитирующему ее основанию.

Определением того же суда от 26 сентября 2022 года заявление отклонено как необоснованное. Как отметил суд, вынесение постановления о прекращении уголовного дела не подтверждает наличия существенных обстоятельств, которые не были и не могли быть известны С.В.Вишнякову, а изложенные в нем обстоятельства противозаконной деятельности С. не являются вновь открывшимися, касаются ее уголовной ответственности и правового значения для гражданского дела не имеют. Правомерность такого судебного акта подтвердили вышестоящие судебные инстанции (определения Белгородского областного суда от 15 декабря 2022 года, Первого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июня 2023 года и Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2023 года, а также датированное апрелем 2024 года письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации).

С.В.Вишняков просит признать противоречащими статьям 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 37 (части 1, 3 и 4), 46 (части 1 и 2) и 55 Конституции Российской Федерации статью 390¹⁴ и пункт 1 части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации, которые, по его мнению, в их взаимосвязи и в системной связи с другими положениями данного Кодекса не гарантируют исправления ошибок в толковании и применении закона, повлиявших на исход дела, препятствуют защите нарушенных прав, позволяя не расценивать в качестве оснований для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта существенные обстоятельства, имевшие место на момент принятия этого акта, о которых не знали и не могли знать заявитель и суд.

1.2. Н.М.Волокитина обратилась в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения Елизовского районного суда Камчатского края от 12 декабря 2013 года, которым было отказано в удовлетворении ее иска к гражданину В. о разделе совместно нажитого в браке имущества. В заявлении она ссылалась на постановление об отказе в

возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения В. к ответственности за преступление, предусмотренное частью первой статьи 303 УК Российской Федерации, где отражен факт фальсификации им доказательств по гражданскому делу и факт его согласия на применение срока давности. Однако определением того же суда от 21 января 2021 года заявление оставлено без удовлетворения, с чем согласились вышестоящие суды, указав, что Н.М.Волокитина не представила приговор, подтверждающий фальсификацию доказательств (определения Камчатского краевого суда от 18 марта 2021 года, Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2021 года и Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2021 года).

Решением Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 18 июня 2021 года по иску Н.М.Волокитиной с Российской Федерации в ее пользу взыскана компенсация морального вреда в размере 250 тыс. руб. Суд пришел к выводу, что истица долгое время (с первого ее сообщения о преступлении в апреле 2012 года) боролась с бюрократизмом органов предварительного расследования, который в итоге позволил В. избежать уголовной ответственности; многократные указания прокуратуры игнорировались, а права истицы на доступ к уголовному правосудию и на охрану достоинства личности были нарушены.

Полагая, что по вине правоохранительных органов (их должностных лиц) она утратила возможность получить денежные средства от раздела совместно нажитого в браке имущества, Н.М.Волокитина обратилась с иском к Российской Федерации о взыскании свыше 20 млн руб. в качестве возмещения убытков, понесенных ею в результате бездействия органов предварительного расследования. Решением Петропавловск-Камчатского городского суда от 12 апреля 2023 года в иске отказано, с чем согласились вышестоящие суды (определения Камчатского краевого суда от 24 августа 2023 года, Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2023 года и Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2024 года). В основу решения суд положил в том числе оценку постановления об

отказе в возбуждении уголовного дела, данную в определении Елизовского районного суда от 21 января 2021 года применительно к заявлению Н.М.Волокитиной о возобновлении гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Н.М.Волокитина утверждает, что часть третья статьи 392 ГПК Российской Федерации противоречит статьям 17, 46 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку – в силу отсутствия в ней указания на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования за фальсификацию доказательств в гражданском деле – ею нарушается право на пересмотр этого дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

1.3. М.З.Каримов обратился в суд с заявлением о пересмотре вынесенного в рамках гражданского судопроизводства решения Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 24 ноября 2016 года по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности совершения гражданином Б. деяния, запрещенного частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации. Он утверждал, что постановлением установлен факт мошенничества в отношении недвижимости, ставшей предметом сделки, оспоренной в гражданском процессе, а Б. согласился с применением срока давности. Отказывая в удовлетворении заявления определением от 30 мая 2022 года, тот же суд указал, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования не относится к числу оснований, названных в части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации, а единственным допустимым доказательством совершения преступных действий является вступивший в законную силу приговор, которого, в свою очередь, М.З.Каримовым не представлено. Вышестоящие судебные инстанции сочли определение законным (определения Верховного Суда Республики Башкортостан от 2 августа 2022 года, Шестого кассационного суда общей

юрисдикции от 1 ноября 2022 года и Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2023 года).

М.З.Каримов просит признать пункты 1 и 3 части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации не соответствующими статьям 2, 19 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку они препятствуют пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам на основании постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

1.4. В интересах Н.Н.Наливайко было подано заявление в суд о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения Хорошевского районного суда города Москвы от 13 декабря 2017 года, которым отказано в удовлетворении ее требований о взыскании неосновательного обогащения, связанного с реализацией заложенного недвижимого имущества по заниженной цене. В качестве вновь открывшегося обстоятельства в заявлении указано постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования по факту совершения преступления, предусмотренного частью первой статьи 303 УК Российской Федерации. Из постановления следует, что с отзывом на иск был представлен исполнительный лист, содержащий дописку, не соответствующую достигнутому между сторонами мировому соглашению и закрепляющую начальную продажную цену принадлежащей Н.Н.Наливайко недвижимости существенно ниже ее рыночной стоимости. Однако тот же суд, отказывая в удовлетворении заявления, сослался в определении от 17 декабря 2021 года на отсутствие вступившего в законную силу приговора по факту фальсификации доказательств и на то, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не входит в перечень оснований для возобновления производства по гражданскому делу. Вышестоящие суды поддержали вывод суда первой инстанции (определения Московского городского суда от 17 марта 2022 года, Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2022 года и Верховного Суда Российской

Федерации от 28 декабря 2022 года, а также датированное маем 2023 года письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации).

Н.Н.Наливайко просит признать пункты 2 и 3 части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации не соответствующими статьям 15 (часть 4), 17, 18, 19, 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют не учитывать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования в качестве основания для пересмотра гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам, в результате чего лицо, пострадавшее от преступления, совершенного в судебном процессе, лишается возможности защитить свои имущественные и неимущественные права.

1.5. Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативным актом, если придет к выводу, что имеются признаки нарушения прав и свобод в результате применения этого акта в деле с его участием, а также неопределенность в вопросе о том, соответствует ли акт Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление, оценивая как буквальный смысл оспариваемых положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, исходя из их места в системе правовых норм и не будучи связанным изложенными в жалобе основаниями и доводами (статьи 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Статья 390¹⁴ ГПК Российской Федерации воспроизводит правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении от 5 февраля 2007 года № 2-П, согласно которой основаниями для отмены или изменения вступивших в законную силу

судебных постановлений могут выступать лишь такие ошибки в толковании и применении закона, повлиявшие на исход дела, без исправления которых невозможны эффективное восстановление и защита нарушенных прав и свобод, защита охраняемых законом публичных интересов. В системной связи с другими положениями параграфа 2 главы 41 данного Кодекса, регламентирующими производство в судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, названная норма ориентирована на исправление в кассационном порядке судебных ошибок в актах нижестоящих судов и не предполагает произвольного применения (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2024 года № 62-О и др.). Эта статья не может расцениваться как нарушающая права С.В.Вишнякова, а потому его жалоба в соответствующей части не является допустимой и производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности этой статьи, подлежит прекращению (пункт 2 части первой статьи 43 и часть первая статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросу о пересмотре вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, указывал, что часть третья статьи 392 ГПК Российской Федерации не препятствует суду в соответствии с ее пунктом 1 принять в качестве оснований для пересмотра судебного постановления существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю (определения от 22 апреля 2010 года № 613-О-О, от 19 июня 2012 года № 1220-О, от 28 сентября 2023 года № 2379-О и др.), в том числе постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. При этом суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы – иное вело бы к тому, что право на судебную защиту, гарантируемое статьей 46 Конституции Российской Федерации, было бы серьезно ущемленным

(постановления от 28 октября 1999 года № 14-П, от 13 октября 2022 года № 43-П и др.).

Однако в судебной практике (принимая во внимание, что в пунктах 2 и 3 части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации обстоятельства признаются вновь открывшимися лишь тогда, когда они установлены вступившим в законную силу приговором) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности не расцениваются в качестве обстоятельств, влекущих пересмотр судебных актов, о чем свидетельствуют и жалобы заявителей по настоящему делу. В такой ситуации Конституционный Суд Российской Федерации усматривает необходимость разрешить поставленный перед ним вопрос в форме постановления, определив предмет рассмотрения с учетом особенностей содержания правоотношений в конкретных делах, в которых были применены оспариваемые нормативные положения.

Таким образом, часть третья статьи 392 ГПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на ее основании разрешается вопрос о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, которые касаются преступных посягательств, состоящих в формировании не соответствующих действительности доказательств, использованных в ранее рассмотренном по правилам данного Кодекса споре, либо затрагивающих предмет этого спора, и которые отражены в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности уголовного преследования, когда наличие таких обстоятельств ставит под сомнение правосудность вступившего в законную силу судебного акта.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, и обязывая государство соблюдать и защищать права и свободы, прямо предусматривает охрану законом прав потерпевших от преступлений, обеспечение им доступа к правосудию,

возлагая на законодателя полномочие вводить необходимые и достаточные правовые меры по защите от преступных посягательств и обеспечению прав потерпевших, в том числе от преступлений против собственности и против правосудия, гарантируя каждому судебную защиту, которая должна быть полной и эффективной, отвечать критериям соразмерности, чтобы был соблюден баланс законных интересов всех участников правоотношений (статьи 1 и 2; статья 19, часть 1; статья 35, часть 1; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»). При этом право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и выступает гарантией всех других прав и свобод, а потому не подлежит ограничению (статьи 17 и 18; статья 56, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Как не раз подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, право на судебную защиту – это не только право обратиться в суд, но и возможность получить реальную судебную защиту с восстановлением нарушенных прав и свобод (постановления от 28 мая 1999 года № 9-П, от 8 июня 2015 года № 14-П и др.). Не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено судебное решение – независимо от того, что послужило причиной его неправомерности: неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на его законность, обоснованность и справедливость, – если в нем неверно отражены существенно значимые обстоятельства события, ставшего предметом исследования по делу, либо им дана неправильная правовая оценка. Судебная ошибка должна расцениваться как нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и в соответствии с ее статьей 18 подлежит устранению в судебном порядке. Невозможность пересмотреть судебный акт, который вступил в законную силу, но – будучи основанным на недостоверных данных или не учитывающим важные для разрешения дела обстоятельства – вызывает сомнения в своей правосудности, противоречила бы универсальным во всех видах процесса требованиям

действенного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляла бы и ограничивала право на судебную защиту (постановления от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 16 декабря 2021 года № 53-П и др.). Конституция Российской Федерации не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок, допущенных и в той судебной инстанции, чье решение отраслевое законодательство признает окончательным в том смысле, что в обычной процедуре оно не подлежит изменению (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и др.). В то же время институциональные и процедурные условия пересмотра судебных актов должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности отправления правосудия, исключать затягивание и беспочвенное возобновление судебного разбирательства, обеспечивать справедливость решения суда и одновременно правовую определенность, в том числе признание его законной силы и неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов (Постановление от 5 февраля 2007 года № 2-П и др.).

В этой связи, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, непреодолимая (абсолютная) стабильность судебных решений, приоритетное признание их законной силы – применительно к разрешению по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации спора, сопряженного с обнаружением преступлений, затрагивающих предмет того же спора по причине подлога документов или сообщения заведомо ложных сведений, с обнаружением преступлений против правосудия, с иными обстоятельствами, говорящими, в частности, о формировании не соответствующих действительности доказательств, наличие которых ставит (может поставить) под сомнение правосудность вступившего в законную силу судебного акта, – приводили бы к нарушению баланса конституционно признаваемых ценностей, вступали бы в конфликт с существом охраняемых законом прав

потерпевших от преступлений и права собственности, с целями правосудия и значением решений суда как актов правосудия, а потому противоречили бы статьям 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1), 52, 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

3. Пересмотр судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам осуществляется судом, его принявшим, по правилам главы 42 ГПК Российской Федерации при наличии оснований, перечисленных в статье 392 данного Кодекса. Исходя из конституционной природы правосудия и фундаментального характера права каждого на судебную защиту, суд, установив основания к отмене или изменению проверяемого судебного постановления, обязан, реализуя свои полномочия, отменить или изменить его, следуя задачам гражданского судопроизводства, в которые входит правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских и иных правоотношений (статья 2 данного Кодекса) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2022 года № 10-П).

Вместе с тем к числу оснований для ревизии итогов судебного процесса часть третья статьи 392 ГПК Российской Федерации относит как имевшие место на момент принятия судебного постановления существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю, так и – при условии их установления вступившим в законную силу приговором суда – фальсификацию доказательств, повлекшую за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления, и преступления сторон, совершенные при рассмотрении и разрешении дела, причем уже без ссылки на существенность таких обстоятельств. Тем самым непосредственно не упомянуты значимые в силу своего уголовно противоправного характера обстоятельства (подлог документов, сообщение заведомо ложных сведений и др.), ставящие под сомнение само существо решения по рассмотренному по правилам данного Кодекса спору, в том числе имущественного характера, в качестве

законного и обоснованного акта правосудия, хотя бы такие обстоятельства и были подтверждены в процедурах уголовного судопроизводства иными, помимо приговора, процессуальными актами.

Государство в лице его законодательных органов вправе устанавливать правила освобождения от уголовной ответственности и наказания, но, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, не освобождается от возложенной Конституцией Российской Федерации, ее статьями 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52, обязанности гарантировать защиту прав и свобод потерпевших от преступлений, обеспечивать им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба с предоставлением процессуальных гарантий реализации их прав (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 16 октября 2012 года № 22-П и др.). В силу этого лицо, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, не освобождается от обязательств по возмещению причиненного им ущерба, а у пострадавших в результате преступления во всяком случае сохраняется право на защиту своих прав и законных интересов в порядке гражданского судопроизводства (Постановление от 2 марта 2017 года № 4-П; определения от 19 апреля 2007 года № 284-О-О, от 16 июля 2009 года № 996-О-О, от 20 октября 2011 года № 1449-О-О, от 28 мая 2013 года № 786-О, от 5 марта 2014 года № 589-О, от 24 июня 2014 года № 1458-О, от 16 июля 2015 года № 1607-О и др.).

Соответственно, государство не вправе отказаться и от исправления судебных ошибок, обусловленных преступным поведением (поведением, имеющим признаки преступного), от восстановления потерпевших в правах лишь потому, что производство по уголовному делу завершено не на судебной стадии и не приговором суда, к тому же по не зависящим от потерпевшего обстоятельствам. У потерпевшего должно сохраняться право на защиту своих нарушенных прав, включая право собственности. Иное вступало бы в противоречие с предписаниями статей 35 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации.

4. Согласно статье 78 УК Российской Федерации лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние (кроме указанных в ее частях четвертой и пятой случаев, когда срок давности может не применяться или не применяется), освобождается от уголовной ответственности, если на дату принятия о том решения истекли исчисляемые со дня совершения преступления и установленные в этой статье сроки (с учетом возможного их приостановления).

В таком случае уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению, если против этого не возражает подозреваемый или обвиняемый, что является обязательным условием принятия решения о прекращении уголовного преследования (пункт 3 части первой статьи 24 и часть вторая статьи 27 УПК Российской Федерации). Это обусловлено тем, что подозреваемому, обвиняемому должна предоставляться возможность судебной защиты его прав, в том числе права на реабилитацию. В силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), подозреваемый, обвиняемый самостоятельно и по собственному усмотрению определяет свою позицию по делу, включая вопрос об уголовной ответственности и освобождении от нее по нереабилитирующему основанию, осознанно принимает связанные с этим неблагоприятные последствия. В случае же его возражения производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке, но в ограниченные законом сроки до передачи уголовного дела в суд (части вторая и вторая² статьи 27 УПК Российской Федерации). Орган или должностное лицо, осуществляющие уголовное судопроизводство, принимают соответствующее процессуальное решение в зависимости от стадии, на которой выявлено истечение срока давности (часть первая статьи 212, статья 213 и пункт 1 части первой статьи 254 УПК Российской Федерации), а его мотивировка должна базироваться на нормах материального и процессуального права, на доказательствах, подтверждающих само событие преступления, правильность квалификации

содеянного, совершение деяния (подозрение в совершении) конкретным лицом, наличие в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П, от 7 марта 2017 года № 5-П, от 19 мая 2022 года № 20-П и от 18 июля 2022 года № 33-П).

Данные условия должны быть выполнены как при прекращении уголовного дела, так и при отказе в его возбуждении по указанному основанию, что создает предпосылки для конкретизированного оспаривания этих процессуальных решений заинтересованными лицами в установленном порядке (статьи 123–125 и 127 УПК Российской Федерации) со ссылкой на констатируемые в них обстоятельства, приведенные аргументы, сделанные выводы и на их несоответствие материалам дела (материалам проверки).

Правомерность решения об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела подлежит судебной проверке по жалобе заинтересованного лица в предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации порядке с учетом обстоятельств, влияющих на вывод о наличии фактических и правовых оснований для такого решения, и с учетом позиций сторон. Рассматривая жалобу по правилам этой статьи, суд не должен во избежание искажения сути правосудия ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки наличия или отсутствия законных поводов для отказа в возбуждении или для прекращения уголовного дела, от исследования фактической обоснованности обжалуемого решения, что закономерно включает в себя и полномочие суда изучить материалы, обусловившие принятие обжалуемого решения. Суд обязан проверить, учел ли орган предварительного расследования все обстоятельства, включая указанные в жалобе, которые могли существенно повлиять на его выводы. Иное делало бы невозможной оценку судом правомерности отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, ставило бы решение суда по этому вопросу в зависимость от позиции стороны обвинения, свидетельствовало бы о неопровержимой презумпции законности и мотивированности принятого ею процессуального

решения, об окончательности и неоспоримости ее выводов относительно обстоятельств, дающих повод для квалификации деяния в качестве образующего событие преступления, противоречило бы, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, целям уголовного судопроизводства, роли суда как органа правосудия (Постановление от 15 июня 2021 года № 28-П; определения от 12 апреля 2018 года № 867-О, от 29 января 2019 года № 14-О, от 12 марта 2019 года № 578-О и от 14 января 2020 года № 5-О).

Требования, предъявляемые к мотивировке процессуального решения, которое должно опираться на фактические обстоятельства, установленные и подтвержденные доказательствами, а равно и необходимость волеизъявления подозреваемого или обвиняемого по вопросу о его освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию создают дополнительные гарантии в судебной процедуре проверки достоверности и достаточности данных о событии преступления, положенных в основу решения об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности, формируют предпосылки для надлежащего пересмотра гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

5. Порядок уголовного судопроизводства, обязательный для всех его участников, обстоятельства, подлежащие доказыванию, включая событие преступления и виновность лица в содеянном, правила доказывания установлены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (части первая и вторая статьи 1, статьи 73, 74, 85 и 86). Уголовно-правовая квалификация действия или бездействия осуществима исключительно в рамках предусмотренных им процедур – и ни в каких иных видах судопроизводства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П). Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности, которые, по сути, являются итоговыми, завершающими производство по уголовному делу процессуальными актами, не должны

исключаться из числа актов, констатирующих событие преступления, совершение его (причастность к нему) конкретным лицом, тем более что здесь завершение дела приговором без волеизъявления подозреваемого или обвиняемого невозможно ввиду недопустимости и нецелесообразности уголовного преследования (статья 78 УК Российской Федерации, пункт 3 части первой статьи 24, пункт 2 части первой и часть вторая статьи 27, часть первая статьи 212, статья 213 и пункт 1 части первой статьи 254 УПК Российской Федерации).

Следовательно, поскольку ни в одной процедуре, кроме уголовно-процессуальной, нельзя дать уголовно-правовую оценку тех или иных фактов, игнорирование объективных и существенных обстоятельств преступления, которые отражены в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности и которые идентичны (подобны) признаваемым частью третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации вновь открывшимися и ставят под сомнение само существо судебного акта в качестве правосудного, ведет к отказу от разрешения вопроса о нарушении прав и их восстановлении лишь в силу того, что обстоятельства преступления установлены на досудебной стадии уголовного судопроизводства и констатированы в процессуальном решении дознавателя или следователя, а не в приговоре суда, вынесение которого в этом случае невозможно, так как по императивному требованию правовых норм нет оснований для продолжения производства по уголовному делу в обычном порядке. Такое истолкование действующего правового регулирования умаляет право заинтересованных лиц, включая потерпевшего, на судебную защиту, подрывает доверие к государству, противоречит универсальному для всех видов процесса требованию эффективного восстановления в правах посредством справедливого правосудия, а потому и статьям 19 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

6. Постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности признается на практике средством установления

вновь открывшихся обстоятельств применительно к части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации, если суд признает эти обстоятельства существенными для дела, на что указано в том числе в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» (абзац третий пункта 10). Правоприменитель исходит из очевидных различий в правовой природе, субъектах и порядке принятия, в юридической силе и последствиях между состоявшимся на досудебной стадии уголовного судопроизводства постановлением о прекращении уголовного дела и приговором суда. Эти различия предполагают, что такие постановления не могут во всех случаях безоговорочно приниматься судами, разрешающими гражданские и иные отнесенные к их компетенции дела, в качестве свидетельствующих о наличии вновь открывшихся обстоятельств и влечь пересмотр судебных актов без надлежащей и всесторонней оценки рассматривающим соответствующее заявление судом их существенности для конкретного дела исходя из характера спорных правоотношений, фактических обстоятельств, предмета и бремени доказывания (которое возложено на стороны законом и судом) и т.д., с учетом действия конституционно значимых принципов правовой определенности, устойчивости вступивших в законную силу судебных актов и стабильности правового положения участников гражданского оборота.

Сказанное подтверждается и тем, что не каждый приговор, которым установлены заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод либо фальсификация доказательств, может стать основанием для пересмотра дела в порядке главы 42 ГПК Российской Федерации. Такой приговор расценивается – с опорой на применимые нормы – правоприменительной практикой как основание для пересмотра только тогда, когда эти обстоятельства повлекли

принятие незаконного или необоснованного судебного постановления (абзац первый пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 31), что предполагает предварительную оценку судом установившего названные противоправные действия приговора на предмет его соответствия перечисленным условиям.

Нельзя отрицать, что в постановлениях об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности могут быть установлены факты противозаконного поведения тех или иных лиц, включая участников гражданского судопроизводства, ставящие под сомнение правосудность вступившего в законную силу судебного постановления по гражданскому делу, в том числе такие, которые повлияли на полноценность доказательственной базы по данному делу или же указывают на порочность доказательств, положенных в основу решения суда, при условии, что установленные обстоятельства подпадают под понятие вновь открывшихся, т.е. они существовали на момент рассмотрения дела и не были известны ни участникам процесса, ни суду. Это вносит в судебную систему конституционно значимые элементы устойчивости вступивших в законную силу актов суда, недопустимости их произвольной отмены или изменения. Соблюдение же приведенных условий во всех случаях подлежит проверке судом при рассмотрении заявления о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, с учетом в том числе значения заявленного обстоятельства для пересмотра, а также фактических обстоятельств дела. Соответственно, и от лица, заявляющего о пересмотре, требуется представить обоснование того, что обстоятельство, на которое оно ссылается как на влекущее пересмотр, отвечает приведенным условиям.

Вместе с тем в судебной практике не исключены ситуации, когда участвующее в деле лицо заявляло перед судом о наличии существенных обстоятельств, могущих повлиять на правильность разрешения дела, но такое заявление судом проигнорировано или рассмотрено формально, в том числе без назначения экспертизы по вопросу о фальсификации

доказательств, что свидетельствует о допущенных нарушениях процессуального закона, которые подлежат исправлению для достижения целей правосудия, провозглашенных в статье 2 ГПК Российской Федерации. Устранение такого рода нарушений осуществляется, по общему правилу, вышестоящими судами при рассмотрении жалоб заинтересованных лиц, однако такая проверка не всегда влечет восстановление нарушенных прав. В этом случае лицо, которое обратилось в правоохранительные органы по факту противоправных действий (в том числе совершенных лицами, участвовавшими в одном деле с ним), приведших к появлению обстоятельств, имеющих существенное, по его мнению, значение для дела, и получило постановление об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности, не может быть лишено возможности обратиться в суд с заявлением о пересмотре судебного акта в целях устранения нарушения его прав. Учитывая конституционное значение правосудия как гарантии всех других прав и свобод, ссылка на такое постановление, тем более сделанная участником процесса, не может быть проигнорирована судом только лишь по причине отсутствия в части третьей статьи 392 данного Кодекса или в иных нормах прямого указания на такие постановления как на основание для пересмотра дела.

Тем самым обстоятельства, нашедшие отражение в процессуальном акте, принятом на досудебной стадии уголовного судопроизводства, должны быть детально изучены судом, рассматривающим заявление о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, и получить мотивированную оценку на предмет того, могли ли они повлиять на результат разрешения гражданского дела, будь они известны участникам дела и суду. Такая оценка должна быть дана вне зависимости от процессуальной формы фиксации соответствующих сведений, т.е. от того, отражены они в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. Если сведения о фактах криминального характера, в том числе в действиях лиц, участвовавших в гражданском деле, дают основания к выводу о

незаконности или необоснованности судебного постановления, суд не вправе отказать в его пересмотре, руководствуясь лишь формальными причинами. Иное влекло бы неоправданное ограничение права на судебную защиту, лишение гарантий рассмотрения дела посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, к числу которых относится адресованное суду в любом виде судопроизводства требование исследовать по существу все значимые для дела обстоятельства, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения нормы (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года № 7-П, от 22 апреля 2011 года № 5-П, от 20 октября 2022 года № 45-П и др.).

7. Лицо, обращающееся к суду за защитой своих прав, свобод и законных интересов, обязано доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается как на основания своих требований и возражений, представляя доказательства для оценки судом с точки зрения относимости, допустимости и достоверности каждого из них в отдельности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности, что следует из части первой статьи 56 и части третьей статьи 67 ГПК Российской Федерации. Согласно пункту 2 части четвертой статьи 198 данного Кодекса выводы, которые вытекают из установленных судом обстоятельств, указываются в мотивировочной части его решения по делу, как и доказательства, на которых основаны эти выводы и доводы в пользу принятого решения, мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил доводы участвующих в деле лиц, приведенные в обоснование их требований и возражений. Итоговый же вывод суда об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении заявленного требования отражает, в частности, исполнено ли заявителем возложенное на него бремя доказывания исходя из предмета и оснований требования, подтверждают ли представленные им доказательства (их совокупность) правомерность его притязания полностью либо в части.

При этом, несмотря на то что в соответствии со статьей 67 ГПК Российской Федерации никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (часть вторая), результаты оценки доказательств могут привести к их отвержению судом, формированию у суда предпочтений относительно одних доказательств перед другими, что также должно быть отражено в решении по делу (часть четвертая). Поскольку не все исследованные судом доказательства имеют одинаковую доказательственную силу и могут быть положены в основу решения по делу, постольку и такое обстоятельство, как установление – причем не только постановлением об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности, но и вступившим в законную силу приговором – порочности того или иного доказательства по гражданскому делу, во всех случаях подлежит оценке судом на предмет существенности для дела, места (или отсутствия места) этого обстоятельства в доказательственной базе и, как следствие, необходимости пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Отказ от такой оценки или ее неполнота могут привести к тому, что принятые на досудебной стадии уголовного процесса постановления становятся поводом к отмене судебных актов, вынесенных в другом виде процесса и вступивших в законную силу, без соблюдения конституционных и отраслевых гарантий правомерности и обоснованности этой отмены, о необходимости которых высказывался Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление от 19 марта 2010 года № 7-П и др.).

Вместе с тем иной крайностью, также нарушающей уже в ином аспекте баланс принципа правовой определенности, устойчивости вступивших в законную силу судебных актов, с одной стороны, и их законности и справедливости (правосудности) – с другой, является то, что в судебной практике в силу того, что пункты 2 и 3 части третьей статьи 392 ГПК Российской Федерации называют указанные в них обстоятельства вновь открывшимися только тогда, когда они установлены вступившим в законную силу приговором, постановление об отказе в возбуждении или о

прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности лишь ввиду его уголовно-процессуальной формы не рассматривается в качестве влекущего пересмотр дела, что видно и из жалоб заявителей по настоящему делу. При этом суды зачастую не учитывают, что такие постановления могут констатировать криминальное посягательство на разные объекты уголовно-правовой охраны, включая отправление правосудия, ставя под сомнение правомерность судебных актов, которые перестают отвечать предъявляемым к ним Конституцией Российской Федерации и законами требованиям о надлежащей защите и восстановлении нарушенных или оспоренных прав и о реализации права на судебную защиту. Именно средством устранения такого рода сомнений является осуществление пересмотра дела, притом что таковой не исключает, что суд, оценив соответствующие обстоятельства, придет к тому же итоговому выводу, что и в ранее принятых судебных постановлениях.

8. Таким образом, часть третья статьи 392 ГПК Российской Федерации, не позволяя с достаточной ясностью и определенностью расценивать в качестве вновь открывшихся те обстоятельства, которые установлены в процедурах уголовного судопроизводства, отражены в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, касаются преступного посягательства, состоящего в формировании не соответствующих действительности доказательств, использованных в ранее рассмотренном по правилам данного Кодекса споре, либо преступного посягательства, затрагивающего предмет такого спора, ставят под сомнение правосудность вступившего в законную силу судебного постановления и не могли быть установлены при рассмотрении гражданского дела не по вине лица, заявляющего о его пересмотре, не отвечает принципам справедливости и равенства, ведет к умалению доверия к государству, праву и правосудию и противоречит статьям 19 (часть 1), 35 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть третью статьи 392 ГПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 35 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3), в той мере, в какой она не позволяет с достаточной ясностью и определенностью расценивать в качестве вновь открывшихся те обстоятельства, которые установлены в процедурах уголовного судопроизводства, отражены в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, касаются преступного посягательства, состоящего в формировании не соответствующих действительности доказательств, использованных в ранее рассмотренном по правилам данного Кодекса споре, либо преступного посягательства, затрагивающего предмет такого спора, ставят под сомнение правосудность вступившего в законную силу судебного постановления и не могли быть установлены при рассмотрении гражданского дела не по вине лица, заявляющего о его пересмотре.

2. Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления, на основе требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Впредь до внесения таких изменений установленные в процедурах уголовного судопроизводства и отраженные в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности обстоятельства, касающиеся преступных посягательств, состоящих в формировании не соответствующих действительности

доказательств, и иных преступных посягательств, затрагивающих предмет рассмотренного по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации спора, должны оцениваться судом, в который поступило заявление о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам, с точки зрения относимости к сделанным в судебных постановлениях по этому спору выводам и с точки зрения существенности для дела и в случае подтверждения таковых должны выступать основанием для пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, если о наличии этих обстоятельств не заявлялось при рассмотрении спора по правилам данного Кодекса, притом что лицо, инициирующее пересмотр дела, не знало и не должно было знать о них, либо заявлялось, но утверждения о том не были проверены судом процессуальными средствами, сопоставимыми с использованными в ходе следственной проверки или в ходе расследования уголовного дела для установления соответствующих обстоятельств. Основанием для отказа в таком пересмотре во всяком случае не должно быть то, что соответствующие обстоятельства констатируются не в приговоре.

3. Дела граждан Вишнякова Сергея Витальевича, Волокитиной Натальи Михайловны, Каримова Марата Закировича и Наливайко Нины Никоноровны подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении.

4. Прекратить производство по настоящему делу в части проверки конституционности статьи 390¹⁴ ГПК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 1-П

Конституционный Суд
Российской Федерации